

Власова Т. И.
Мунтян А. А.
Днепропетровск (Украина)

ЯЗЫК, ГЕНДЕР И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Предмет статті – гендерні аспекти мови та комунікації в постмодерністських дослідженнях, які підкреслюють онтологічний статус гендера та його культурні передумови.

Предмет статьи – гендерные аспекты языка и коммуникации в исследованиях постмодернистов, подчёркивающих онтологический статус гендера и его культурную обусловленность.

The subject of the article is gender aspects of linguistics in the postmodern science focusing on the ontological status of gender and its cultural representation.

Как утверждают многие исследователи, «постсовременность» - это время знака. Ученые-постмодернисты вошли во вторую половину XX века мощной критикой современной фундаменталистской эпистемологии, разоблачая случайный, условный и исторически обусловленный характер того, что рассматривалось в главном направлении культуры как необходимая универсальная и внеисторическая истина [1].

Во всех тех предметных областях знания, которые выдающийся философ постмодерна Ж.Деррида называет «наукой о человеке», проблема языка становится едва ли не центральной, обозначив знаменательный «лингвистический поворот» второй половины XX века [2]. В целом, мировая научная мысль признаёт сегодня значительную обеспокоенность проблемами знака и, прежде всего, языка.

Придавая огромное значение центральному положению языка (знаку, сигнификации, символу), постмодернисты и сейчас акцентируют своё внимание на основаниях и методах объяснения и интегрирования человеческого опыта, принося новые темы в современную философию языка, касающиеся, прежде всего, отношения языка к миру и сущности значения. Так, одним из главных вопросов французских гендерных исследований в философии языка является возможность самого существования феминистской лингвистики.

Существует ли некий женский язык, разрушающий семантику и синтаксис, которые исторически связаны с подчинённым положением женщины? Поднимая подобные вопросы, такие французские философы-постмодернисты, как Л.Иригарэ, Э. Сиксу, М. Виттиг предлагали нарушить жесткий символический порядок, поддерживающий мужское доминирование, и освободить место для женщин [3]. Разрабатывая теорию Ж.Лакана об языковом характере человеческого сознания и бессознательного, «структурированного, как язык», Л. Иригарэ заявляет, что сам конструкт автономного субъекта – это маскулинная культурная прерогатива, из которой женщина исключена. Поэтому для Иригарэ нет смысла ссылаться на женщин как субъект, поскольку это конструкт субъекта, который делает необходимыми отношения иерархии исключения и доминирования.

По Виттиг, язык – это инструмент, ни в коем случае не являющийся мизогинистским по своей структуре, но таковой, безусловно, в своем применении. По Иригарэ, возможность другого языка – это единственная возможность избежать «маркировки» гендера. Явно продолжая критику С. де Бовуар мифа фемининности, Виттиг утверждает: «Не существует фемининного письма» [4, с. 36].

Ю.Кристева, исследуя проблемы гендерного различия в языке, также подчеркивает вопросы угнетения и эмансипации, хотя и под другим углом. Кристева видит идеологическую и философскую основу современной лингвистики в ее фундаментальной авторитарности и угнетении. Выход из этого тупика, по Кристевой, лежит в переходе от концепции языка Соссюра к

утверждению «говорящего субъекта» как объекта для лингвистики, что означает отказ от концепции языка как монолитной, гомогенной структуры и переход к изучению языка как гетерогенного процесса. Это может произойти, утверждает Кристева, только в случае, если удастся избежать определения «говорящего субъекта» в качестве трансцендентального или картезианского. Язык, по Кристевой, это скорее сложный процесс означивания, чем монолитная система; процесс означивания не ограничен системой языка, это скорее речь, дискурс и внутри их – гетерогенная деструктивная каузальность «эго» [5].

Следует заметить, что дискурсивность усматривается во многих трудах феминистских критиков, нередко употребляющих понятие «дискурс» как близкое по значению к понятию «стиль». Отсюда использование в современной науке таких терминов, как, например, гендерный дискурс, феминистский дискурс или широко употребляемый в феминистской критике термин «genderlect» – своего рода гендерное «наречие», ставшее предметом пристального внимания не только в гендерных исследованиях, лингвистике, но и в теории коммуникаций (М.Виттиг, Т. Де Лауретис, Л. Теллер, М. Фрай, А.Най, Д. Спендер, Д. Таннен и др.). Эта тема была настолько острой в конце XX века, что её не обошла вниманием и популярная литература, имеющая, как известно, достаточно прочные связи с массовым сознанием. Так, психолог Дж. Грей в своём бестселлере «Мужчина с Марса, женщина с Венеры» доказывает, что мужчина и женщина не только по-разному слышат друг друга, но также по-разному думают, чувствуют, воспринимают, любят, хотят и оценивают друг друга. Ученые, в целом, начинают исследовать общение между мужчиной и женщиной в терминах межкультурной коммуникации (С. Бем, Д. Таннен, и др.). В академических исследованиях обосновывается теория о том, что непонимание как проблема коммуникации между мужчинами и женщинами заключается в том, что они, используя одни и те же слова и формы, вкладывают в них разный смысл. Например, Р. Лакофф в своей работе «Язык и место женщины» представляет впечатляющее количество примеров гендерной асимметрии в языке, лучшим объяснением которых, по мнению

исследовательницы, является доминирующее положение одного из полов в культуре [6].

Исследуя общение детей в процессе игры, ученые приходят к выводу, что девочки учатся с помощью слов создавать и поддерживать отношения близости и равенства, критиковать других в приемлемой форме, тонко и точно интерпретировать речь других девочек. Мальчики же учатся утверждать позицию превосходства, привлекать и удерживать внимание аудитории, защищать свои права, когда говорит другой. По мнению исследователей, гендерная сегрегация в детстве приводит к выработке у мужчин и женщин разных моделей общения, что потенциально чревато взаимным непониманием, поскольку каждый из коммуникантов исходит из своих ожиданий. Подобную мысль проводит Д. Таннен, которая описывает различия между коммуникативными стилями мужчин и женщин в терминах бинарных оппозиций: *sympathy – problem-solving; rapport – report; listening – lecturing; private – public; connection – status; supportive – oppositional; intimacy – independence* и т.д. [7].

Гендерные теории лингвистики и коммуникации рождались в условиях обострившегося внимания исследователей к изучению массового сознания, с одной стороны, и, с другой, – общего отхода философской мысли от биологической предопределенности мужского и женского.

На огромном фактическом материале доказывается, что нет фундаментальных врожденных различий в психологических особенностях мужчин и женщин, что было чрезвычайно важно, поскольку в борьбе за мужское доминирование главные «козыри» всегда доставались из «колоды» биологического детерминизма [8]. Как известно, теории биодетерминистов основаны на влиянии гормональных систем мужчин и женщин на их речевое поведение. Такие утверждения допускают возможные расхождения в ментальных способностях мужчин и женщин. Аргументы биодетерминистов базируются на признании межполушарной асимметрии мозга у мужчин и женщин. Вместе с тем исследователи настаивают на том, что функциональная

специфика мозговых структур формируется прижизненно, кроме того, у каждого человека может иметь или не иметь место индивидуальное доминирование левого или правого полушария. Как отмечается, результаты экспериментов очень неоднозначны.

Не останавливаясь на критике теорий социобиологии, хотелось бы еще раз подчеркнуть: однозначных доказательств – теоретических или экспериментальных – разной функциональности полушарий мозга или различной когнитивной деятельности мужчин и женщин на данный момент нет.

В отличие от социобиологии критические позиции постмодернизма брали свое начало в новом развитии лингвистической и психоаналитической теории, связанной, прежде всего, с именами Деррида, Фуко и Лакана. Эти мыслители (мужчины) утверждают, что реальность для каждого из нас различна, так как она опосредована языком и опытом. Не может быть безличного объективного взгляда «ниоткуда», есть только конкретные индивидуальные субъективности. Язык здесь чрезвычайно важен, потому что он не только определяет, как мы видим мир, но и как мы существуем, кто мы есть. В этом контексте, считает Фуко, дискуссии о значении слов являются решающими в определении общественного сознания и связаны с фактически существующими властными структурами. Однако для таких мыслительниц, как Ю. Кристева, Л. Иригарэ, Х. Сиксу, мужской контроль над языком – это не просто вопрос значения слов, но центральный для всех его структур.

Д. Спендер в своей известной работе «Язык, созданный мужчиной» пишет, анализируя роль семантики в мифе о естественности мужской власти, что язык конструируется в соответствии с мужскими правилами. Это так важно, поскольку язык – средство манипулирования реальностью. Но всем известно, что одно из главных правил семиотики – «мужское – это норма».

На протяжении последних десятилетий предметом острых дискуссий в западных исследованиях является так называемый миф о нейтральности употребления некоторых слов в английском языке и, прежде всего, слова «man» [9]. В этих дискуссиях различают две идеи. Сторонники первой полагают, что

гендерно нейтральное употребление таких слов как «he», «man» и т.д. являются следствием и неприятным напоминанием о более низком статусе женщины и призывают к отказу от такого «гендерно нейтрального» употребления. Вторая идея отрицает саму возможность гендерно нейтрального употребления подобных слов, доказывая, что само использование этих терминов является причиной несправедливого отношения к женщинам [10].

Критика постмодернизма, как известно, обширна, но в лучшем своем проявлении постмодернизм убедительно показывает, что язык и субъективность социально сконструированы, подчеркивая конкретность и пристрастность любого опыта, в том числе и гендерного.

Учёные акцентируют внимание на том, что гендер – это сфера мыслей, чувств, фантазий, которые имеют культурную коннотацию и интерпретируются в качестве родовой сущности человека. Культурные коды содержат в себе основные параметры ценностного восприятия мужского и женского, что свидетельствует о необходимости дальнейших исследований особенностей функционирования гендерных категорий в литературе и языке. Наука не может ссылаться на «данный» гендер без того, чтобы сначала изучить, как и кем этот гендер был «дан», посредством чего он был сформирован.

Необходимо при этом ответить на вопрос, имеет ли данный гендер «свою историю», как он репрезентирован в языке, литературе, в целом, культуре, как «genderlect», вводимый различными дискурсами, влияет на формирование интеллигибельных гендерных «Я», и, в целом, как лингвистические «условности» конституируют идентичность.

В этом, как представляется, – перспектива дальнейших исследований гендера в лингвистике, поскольку «гендер – это лингвистический индекс политической оппозиции между полами» [11].

Литература:

1. Hutcheon L. A Poetics of Postmodernism. History, Theory, Fiction. – New York and London : Routledge, 2002. – 268 p.
2. Деріда Ж. Письмо та відмінність. – Київ: Основи, 2004. -600с.
3. Irigaray L. This sex which is not one//New French Feminism – Brighton: Harvester, 1975. – P.245-264.
4. Butler J. Gender Trouble. – New York and London : Routledge, 1999.
5. Kristeva J. The system and the speaking subject// The Tell-Tale Sigh. A Survey of Semiotics. – Netherlands : The Peter de Ridder Press, 1975. – P.47-55
6. Lakoff R. Language and Woman`s Place//Language in Society. – 1973- P.45-80.
7. Tannen D. You just don`t understand. – Ballantine Books, 1991. – №2. - 336 p.
8. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М.: РОССПЭН, 2004. – 329с.
9. Терел Л. Мова і влада.// Антологія феміністичної філософії. – Київ: Основи, 2006. – С.179-194.
10. Моултон Д. Миф о нейтральности слова «man»//Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии. – М.:РОССПЭН, 2005. – С.252-269.
11. Wittig M. The Point of View : Universal or Particular?// Feminist Issues. - Vol. 3, №2, 1982. – P. 64.